

Тен с тех пор, как начал зарабатывать сам, каждый месяц жертвовал часть доходов в детские дома и организации помощи детям. Детям в трудных обстоятельствах старался дать хоть что-то, даже самое малое, а увидев обижаемого ребёнка, никогда не мог пройти мимо. Глядя на Тена, особенно слабого к маленьким детям, куратор Соня говорила так:

"Компенсаторная психология за несчастливое детство".

Холод, проникающий до самых костей. Было так холодно, что глаза сами открылись. Лежу на кровати, даже одеялом укрылся, а почему так холодно? Недоумение длилось недолго. Тен резко встал.

Где это? Сколько ни прокручивал в памяти, ничего не всплывало. Память оборвалась с того момента, как он бросился спасать ребёнка.

Когда откинул одеяло, поднялась пыль. Прикрывая рот рукой от вырвавшегося кашля, Тен слез с кровати.

Комната, полная запаха застоявшейся пыли, казалось, была заброшена на долгое время. Оглядев мрачный, отдающий серостью интерьер, Тен направился к окну. Окно было испачкано мутным инеем, так что наружу не видно. Пытался толкать, тянуть, открыть – но щели намертво промёрзли и не шелохнулись. Отпустил руку с отчаянием – на оконной раме остался отпечаток ладони. Тен нахмурился и слегка потёр рамку кончиком указательного пальца. По пути пальца счистилась куча пыли. Быстро стряхнул то, что толсто налипло на перчатку.

Воздух был ледяным. Холод был таким, что казалось – не будь у него Аквилы, давно бы превратился в ледяную статую. Кончик носа болезненно замёрз, и с каждым вдохом в горле чувствовалось колющее покалывание.

Тен оглядывался в поисках сумки. Сколько ни кружил по комнате, найти не мог. А там весь багаж находился. От голода желудок жгло, но даже сухой паёк и орехи на случай непредвиденного были в сумке. Тен, от тревоги кусавший нижнюю губу, повернул взгляд к двери, которую до этого игнорировал.

Выйти, что ли? Насколько догадывается, где находится, настолько и медлит. Но чуда, чтобы исчезнувшая сумка сама объявилась, ждать не приходилось. В конце концов Тен схватился за дверную ручку и повернул. Холод, пробирающийся сквозь перчатку, был жутким. Схватись голой рукой – рука прилипла бы к ручке.

Снаружи был длинный коридор. На мраморных стенах с узором арабескато висели выцветшие гобелены, и по-прежнему пахло пылью. Обычно в таких заброшенных местах пауки плетут паутину, но в этом отношении было чисто. Видимо, слишком холодно, чтобы выжили даже мелкие твари.

Тен, двигаясь осторожно и бесшумно, примерно посередине коридора вдруг резко обернулся назад. Ничего нет. Сворачивая за угол к лестнице в конце коридора, снова проверил сзади. По-прежнему ничего нет.

Но почему чувствуется взгляд?

Глядя на коридор, погружённый в жуткую тишину, попятился, будто настороженно. Изысканно вырезанные оконные рамы, маленькие подсвечники в виде ящериц, рельефная роспись, покрывавшая весь потолок. Взгляд, быстро скользивший вверх-вниз, влево-вправо, был недюжинным. Тен, предельно напрягшись, протянул руку назад. Пальцы коснулись чего-то

холодного и твёрдого. Думал, что это перила лестницы, которые заранее приметил, но то, что скользнуло между пальцами, забилося и заметалось. Тен вздрогнул и поспешно отдернул руку. Обернувшись, глаза расширились от ужаса.

Рыба, от которой остались одни кости, неспешно плыла по воздуху. Череп и соединённый с ним длинный позвоночник, на котором густо торчали рёбра. Плавники, легко шевелившиеся влево-вправо. Хоть протри глаза и посмотри снова – то же самое. Это рыба. Определённо рыба.

Рыбьих скелетов, плывущих по воздуху, будто это море, становилось всё больше, чем ниже спускался по лестнице. Смерть, ожившая и движущаяся, – удивительное и жуткое зрелище. Тен, опасаясь столкнуться с ними, прижался вплотную к стене. Стая тощих костей, кружащая вокруг люстры. Вид того, как они, словно водоросли, протискиваются в промежутки изогнутых, как лозы, перил и машут хвостами. Реалистично нереально, словно картина, описанная художником-сюрреалистом. Чем больше смотришь, тем больше голова идёт кругом.

Пока продолжалось это странное и мирное зрелище. Рыбьи скелеты вдруг стайно заплыли прочь. Отчаянное движение, исчезнувшее в мгновение, было похоже на стаю сардин, спасающихся от акулы. Только что оставшийся один Тен лишь моргал глазами в недоумении.

— Живой.

Появилось нечто похуже акулы.

Хотя не почувствовал ни малейшего присутствия. Белый ребёнок смотрел на него сверху с вершины лестницы.

— Почему живой?

Могло бы прозвучать насмешливо. Но вопрос ребёнка состоял лишь из чистого недоумения. Словно действительно интересовался, как он жив.

Бормочущий ребёнок по-прежнему был одет лишь в просторную рубашку и по-прежнему был босиком. Босиком.

При виде ребёнка по-прежнему мурашки по коже. Но это была уже четвёртая встреча. В черед повторяющихся случайностей словно уже привык, отторжение стало гораздо меньше. Возможно, оттого, что смотрел только на ноги ребёнка. Ноги. Белые ноги, посиневшие от холода.

Ноги, меньше его собственных рук, двинулись. Ступенька за ступенькой. Ноги, спускавшиеся по лестнице, остановились несколькими ступенями выше Тена. Уровень глаз стал примерно одинаковым. Ребёнок склонил голову в сторону Тена.

— Пахнет солнцем. Ты тот, кто под Нэйвахатой.

Манера речи ребёнка была необычной. Среди свойственного этому возрасту детского голоса и коротких фраз то и там перемежались архаизмы, которые могли бы встретиться разве что в классической литературе.

— Почему ты здесь?

Каждый раз, когда он открывал рот, вырывающееся дыхание было холодным и резким, будто обвитое студёным ветром. Каждый раз, когда дыхание ребёнка касалось, кожа словно

промерзала, возникала колющая боль. Рефлекторно отступил назад, но расстояние не увеличилось. Потому что ребёнок спустился ещё на одну ступень.

— Почему ты вышел?

Ребёнок протянул руку. Холод стал ещё гуще. Маленькая рука приближалась с громадным, словно цунами, присутствием. Белое лицо, чьи намерения невозможно разгадать, было жутким. Инстинктивно собирался уклониться от этой руки.

— Крррр-ульк.

Маленькая рука, забыв, куда направлялась, замерла. Не в силах смотреть в глаза, Тен отвернул голову.

Неловко. Настолько, что в этом ледящем воздухе затылок пылал. Настолько, что хотелось умереть. Стыдно.

— ...Я голоден.

Стоило издать звук один раз, как забытое чувство голода нахлынуло мгновенно. Теперь, когда подумал, довольно долго ничего не ел. Тен, изо всех сил напрягший живот, боясь, что снова раздастся звук, с усилием поднял голову. Попытался неловко улыбнуться, но уголки губ затряслись, словно в конвульсиях. Неудача.

— Вы... не кушали?

Ребёнок сохранял неизменное сухое бесстрастное выражение, но почему-то казался смущённым. Тен знал эту едва уловимую атмосферу. Когда дал конфету на площади. Тогда тоже было такое же трудноописуемое состояние, как сейчас.

Ребёнок, словно растерявшись, помедлил, и лишь спустя время коротко ответил: нет. Казалось, холод, окружавший их, в этот момент исчез. Тен смог улыбнуться более свободно.

— Тогда пойдёмте вместе на кухню?

Ребёнок снова помолчал долго, затем двинулся без предупреждения. Тен окликнул ребёнка, проходившего мимо него вниз: "Подождите". С некоторых пор что-то его беспокоило. Вообще-то, с самого первого взгляда и до сих пор это не давало покоя.

— Где ваша обувь? Ноги же совсем замёрзли.

Что будет, если поранитесь? Пробормотав, Тен, говоря, что одежда тоже слишком тонкая, снял свою и накинул на ребёнка. Ребёнок, наблюдавший за всем процессом, словно это дело постороннее, запоздало ответил:

— Нет.

— Нет обуви?

Немного удивившись, но стараясь не подавать виду, Тен предложил альтернативу:

— Может, понесу на руках?

Серые глаза остро посмотрели вверх. Обычно, когда спрашивают - понести на руках или на

спине - радуются. Но этот ребёнок, видимо, нет.

— У меня нет обуви. Даже если будет, не надену. Если ты не намерен носить меня всё время, не вмешивайся.

Колюч. Однако Тен не из тех, кто сдастся от этого.

— Хоть и не похоже на это, но я всю жизнь занимался физическим трудом, так что довольно крепкий. Одного тебя я вполне могу носить на руках сколько угодно.

То есть, буду продолжать беспокоиться и впредь.

Не отводя взгляда от прямого взгляда ребёнка. Тен подумал, что ситуация складывается как-то странно. Просто хотел по доброй воле помочь, а почему дошло до психологического противостояния?

— Ты что, собираешься всю жизнь мне ноги заменять?

— А почему бы и нет?

Саркастично съязвил, поэтому немного всплеснулся и заупрямился. Так нельзя. Тен успокоился и изобразил максимально добродушную улыбку. Даже умоляюще сложил руки вместе.

— Так что, можно я вас понесу?

— Нет.

Категоричный отказ без следа раздумий. Тен тупо смотрел на спину, быстро удаляющуюся, не давая даже шанса возразить, а когда ребёнок скрылся за лестницей, поспешно побежал следом. Шаг маленького ребёнка был намного меньше его собственного, так что догнать удалось быстро. Просто из-за того, что получил слишком прямой отказ, сник духом, и даже слово вымолвить было трудно.

Тен опустил плечи и семенил вслед за ребёнком. Ребёнок шёл прямо, не плутая, словно привычно. Будто человек, долго живший в этом месте.

Для Тена, не знающего внутреннего устройства, это хорошо. Но было немного странно. Обычный маленький ребёнок не мог бы жить в таком месте.

Тен искоса посмотрел на белую макушку ребёнка. Как ни смотри, похож на человека. Но Тен, который продолжал ошибаться в суждениях - принимая за обычного ребёнка, за никса, за не-никса и что-то ещё - не мог доверять себе. Может, спросить напрямую? Человек или дух? Если действительно дух, то...

— Почему кухня?

— А?

— Если хочешь поесть, надо идти в столовую. Почему кухня?

— А, это потому что...

Сворачивая в предельно узкий коридор, Тен оглянулся вокруг. Пространство в мрачных

монотонных тонах, пахнущее пылью, без следов использования.

— Видно же, что давно заброшено. Не думаю, что столовая будет лучше. Не ожидаю угощения, будучи незванным гостем. Подумал, может, хлебные крошки найдутся.

Тен неловко почесал затылок.

— Но судя по атмосфере, на кухне вряд ли что-то есть...

Тан, тан, так!

Услышав звук во время разговора, Тен обрадовался. Есть. На кухне кто-то есть!

— Что это, что это вообще.

Тан, тан! Послышалось, как сталкиваются лезвия, смешавшись с унылым голосом. Наверное, повар. Не думал, что кроме ребёнка и себя здесь кто-то ещё есть, поэтому уже голос третьего лица обрадовал.

Тен ускорил шаг и вошёл. Только кухня, казалось, регулярно содержалась - ни пылинки. Различная кухонная утварь была хорошо вымыта и аккуратно разложена на стенах и разделочных столах. Однако людей не было видно.

Тан, тан, тан, тан!

Что это, что это, что это, что это вообще.

Словно одержимость какая-то. Кан, кан, в такт острому ритму сердце тоже заколотилось: тук, тук. Радость мгновенно исчезла, и тревога пробежала по позвоночнику. Ребёнок мельком взглянул вверх, но напряжённый Тен не успел заметить.

Приблизился к тому месту, откуда доносился звук. Чем ближе расстояние, тем громче звук. Но по-прежнему ничего не видно. Тен обошёл подставку, загораживавшую обзор, и зашёл поглубже внутрь.

Тан, что это, тан, что это, тан, что это, тан, что это.

— Что это, что это. Что это вообще было. Ааа, не помню. Важное было. Очень важное было.

Ноги окаменели. На мгновение даже дыхание остановилось. Тен вытаращенными глазами смотрел на невероятное зрелище.

Нож рубил замёрзшую разделочную доску. Проблема в том, что того, кто держит нож, нет. Остро сверкающий кухонный нож в одиночку повторял движения вверх-вниз, ходя по пустой доске.

— Говорили, что важное. Сказали, что радостный день. Велели приготовить много блюд, которые любит Та Персона... Вечеринка? Вечеринка будет? Та Персона, Та Персона - кто это? Радость? Важное? Что? Что это?

Впав в хаос, лезвие ножа, хаотично колющее и режущее воздух, внезапно развернулось к нему.

— Ты что?

В момент, когда лезвие ножа повернулось и указало на него. Тен подхватил ребёнка на руки и бросился бежать.

Странно. Не было видно. Определённо ничего не было. Но звук слышался. Звук шагов того, что преследовало его, ударяющих по полу, истеричный голос, кричащий во всю глотку, звучал в ушах. Зрение и слух не совпадали.

Тен вернулся по узкому коридору, который, вероятно, раньше использовали низшие слуги. Когда появилась знакомая лестница, стал прыгать сразу по четыре-пять ступеней. Бежать вверх было ноу-хау, которое выработал Тен. Когда высокий, с широким шагом и ещё к тому же выносливый Тен бежал по подъёму без остановки, противник каждый раз отставал.

Но на этот раз ситуация была иной. Внутреннее пространство было чрезмерно огромным, и для Тена, впервые здесь, было невозможно даже понять, куда идти. Надо было сразу с первого этажа бежать наружу. Из-за того, что поднялся вверх, напротив, словно оказался в изоляции внутри здания.

Спуститься обратно? Тен посмотрел вниз. Посередине длинной лестницы, на перекрёстке, изогнутом под прямым углом, два кухонных ножа парили, выставив лезвия. Быстро отказавшись, Тен вошёл в продолжающийся коридор и стал открывать подряд все двери, какие видел. Надеясь, что преследующее нечто хоть немного отстанет и запутается.

Лишь бы не тупик. Тен, бежавший по прямому коридору, стал нервничать, когда, сколько ни смотрел, не появлялось поворота. В конце концов, до самого конца коридора другого пути не нашлось.

Конец коридора был перегороден роскошно отделанной дверью. Там, что было намного больше других комнат, через которые прошёл до этого, Тен перевёл учащённое дыхание. Действительно здесь конец? Может, зайти в какую-нибудь комнату и спрятаться? Пока строил различные планы и собирался дёрнуть последнюю дверь.

— Здесь...

Тихо находившийся на руках ребёнок впервые открыл рот. Однако дверь уже открылась, и Тен увидел.

Картина. Картина. Картина. Картина. Не только все стены, но и густо расставленные мольберты, даже потолок - всё было заполнено картинами. Причём все эти многочисленные картины изображали только одного человека. Белая, как снег, кожа и черты лица, составляющие совершенную гармонию с ней. Роскошные золотые волосы и голубые глаза. Увидев, забыл даже о своём положении и мог лишь восхищаться - прекрасная женщина.

Реальная ли это личность? Или вымышленное существо, кем-то созданное? Такая красавица, что возникали подобные сомнения. Бесчисленное множество людей хотели бы попасть сюда. Желали бы и жаждали столь прекрасной женщины. Однако Тен попятился назад.

Страшно.

Впервые понял. Нечеловеческая красота, перешедшая границы, напротив, может вызывать ужас.

Если бы была одна картина отдельно, ещё ничего. Но сама эта комната была ужасна. Чьё-то лицо смотрело отовсюду. Пусть даже это персонаж портрета, одна мысль об этом вызывала

мурашки. По затылку Тена, выходявшего из комнаты, побежали мурашки. В руке, обнимавшей ребёнка, невольно прибавилось силы.

Тактактак, торопливые шаги и "чёрт, что это, что это, что это" – бесконечное бормотание всё приближалось. Прямо рядом послышался крик зверя. Ящерица, прилипшая к стене слева от двери, оскалилась на Тена. Думал, что подсвечник похож на ящерицу, но, похоже, это настоящая.

Ящерица прыгнула и полетела на лицо. Повернув голову, увернулся – ящерица, скользнув по левой щеке, квадж, прилипла к противоположной стене. Не чак, а квадж. Это был звук столкновения твёрдых каменных глыб. Лицо Тена побледнело. Хорошо, что увернулся. Получи в лицо эту массивную ящерицу – сломалась бы переносица или провалилось бы лицо.

— Что это?! Кто ты такой, чтобы сюда приходиться?!

Нечто невидимое, с кухонными ножами в обеих руках, шипя, приблизилось вплотную. Тен, уклонившись от снова прилетевшей сзади ящерицы, пригнул голову и поправил ребёнка на руках. Маленькая белая головка полностью поместилась в ладони. Тен, крепко удерживая тело ребёнка, легко, как кошачьи, высоко подпрыгнул.

Наступив на выступающую отделку оконной рамы, прыгнул по диагонали к стене, затем, оттолкнувшись от стены, прыгнул ещё раз. Развернувшись в воздухе наполовину, наступил на потолок, словно это был пол, перевернувшись, затем мягко приземлился вниз. Тогда нечто с ножами, ящерицы-монстры, комната портретов – всё осталось позади. Тен, оторвавшийся от всех в тупике, вернулся на противоположную сторону коридора.

Теперь нужно спуститься на первый этаж и выйти наружу. По окаменевшему от напряжения лицу Тена слабо скользнул свет надежды. В то же время ребёнок предельно сузившимися серыми глазами пристально смотрел на кадык перед собой. Маленькая рука ребёнка выбралась, пробравшись сквозь ткань. И медленно протянулась к шее. Словно сейчас схватит и вывернет.

Тен, не зная о том, что происходит у него на руках, просто усердно бежал. По пути, почувствовав жуткую ауру, резко увернулся вправо, и ребёнок, качнувшись, схватился за плечо. Когда случайно прильнувшего ребёнка обхватил покрепче, с потолка спустилась массивная рука, держащая копьё, и нанесла удар. Это было место, где Тен находился ещё мгновение назад. Увернувшись влево, почти перекатываясь, на этот раз спустилась рука с мечом и рассекла воздух. Точно так же там, где только что был Тен.

Что ещё такое? Тен в ужасе задрал голову. Внутри потолка с рельефной резьбой. Воины поля боя в доспехах и с оружием преследовали его и атаковали. Чтобы уклоняться от бесчисленных лезвий, сыпавшихся сверху, приходилось бежать, глядя только на потолок. Тогда вдаль трое лучников натянули тетиву. Хоть и не верилось, но юркнул в дверь, открытую заранее по пути. Прямо рядом с дверью в пол один за другим вонзились каменные стрелы: вжух, вжух. Одна из них пробила дверь насквозь.

Кажется, всё сошло с ума. Словно всё здание обладало волей, оно признало Тена врагом и пыталось убить. Тен, выбежавший в коридор, мчался на полной скорости. Двери самопроизвольно открывались и закрывались, преграждая путь.